

СТАРИКИ

Раннее утро. В избе, пропахшей хлебом, устало роняет и роняет в тишину бесконечное время стоящий на комодке будильник с выцветшим циферблатом. У окна, задернутого белыми занавесками, на широкой деревянной кровати лежит старуха. Она не спит, смотрит в окно, на краешек бледно-розового неба, и вспоминает разное. А разного в жизни было...

Она вздыхает, поворачивает голову в сторону большой русской печи, негромко окликает:

— Ляксе́й, а Ляксе́й?

Окликает и настороженно вслушивается. Молчание. Она приподнимается на остром локотке и уже громче, с тревогой:

— Ляксе́й?!

Доносится негромкое побряхтывание, затем лишенный сна хриплый голос:

— Ась?

Старуха мелко крестится, осторожно ложится, роняет: . — А я уж грешным делом подумала, не помер ли. Тихо больно кругом, да и сон дурной приснился.

— Да не помер я, — охотно откликается старик, показывая старухе лицо. — Рано помереть-то, оно завсегда успеется. Рана вот только, чтоб ей окаянной повылазило, — с любопытством: — Что за сон-то?

— Сон-то? — переспрашивает старуха, шевелясь. — А приснилось мне, Ляксе́й, вот што... Приснилось мне, — неторопливо, задумчиво заговорила старуха, — будто >иду я по тонюсенькой тропинке. А тропинка эта не по земле, а по воде торопится. Иду я, иду. Осторожненько так. А вода по бокам глубокая, зеленая, а на ней кувшинки. А на глубине... — она пожевала губами и огорченно: — А вот то, что на глубине, — запамятовала.

— Ежели тропинка, — помолчав, глубоко мысленно говорит старик, — то это к встрече. Гости, должно быть, приедут. Вода зеленая — к вину аль к водке. Цветы — это, должно быть, к хорошим вестям. Ну, а то, что на дне, — старик машет рукой, — мало ли какая гадость на дне водится.

Старики замолчали.

— Может, Родя аль Егор с Василием приедут? — то ли спрашивает, то ли утешает себя старуха.

— Приедут, как не приедут, — уверенно отзывается старик. — Сны — они завсегда сбываются. Вона в прошлом-то году сон мне про крупные деньги приснился, а гляди-ка, по лотерее и выиграли.

— Что выиграли-то, — передразнивает его старуха. — Три рубля и выиграли-то.

Три рубля — они тоже деньги, — веско замечает старик. — Три рубля — они на дороге не валяются.

Становится тихо.

— Может, Роде письмо отписать?

— Счас не приедет.

— Это почему же? — удивляется старуха.

— Кто на должностях состоит, тем отпуск летом не полагается.

— Как это не полагается? — возмутилась старуха. — К Лагуновым приехали же.

— Он инженер другого калибра, — терпели

во объясняет дед. — Помельче. Наш-то целой стройкой командует, а Лагуновых-то... Одним словом, меньшего калибра, и все тут.

— Тогда Василию с Егором отписать надо. Соскучилась я по ним. Внучата, поди, выросли. Ведь больше года не виделись-то. А то как помру... — старуха прикладывает ко рту узенькую темную ладошку.

— Помру! Я тебе помру! — прикрикивает старик и мелко кашляет. Откашлявшись, говорит: — Им можно. Они приедут. Как письмо получат, так и приедут. Как не приехать-то, ежели родители просят.

Старик, щуря глаза, смотрит на старуху, которая лежит, глядя в окно, потирает подбородок, окликает:

■ — Слышь, мать?

— Слышу, — тихо отзывается старуха.

— А помнишь, как ты их рожала-то? Аль забыла, поди?

— Как не помнить, помню.

А хорошо, что я тебя тогда из коровника-то в избу вовремя увел, а то бы еще на троих разохотилась, — старик хохотнул. — Ты корову пошла доить, а я валенки на зиму латал. Жду тебя, пожду, а тебя нет и нет. Прихожу, а ты на сене лежишь и первого мне протягиваешь, говоришь, в избу снеси. Снес я, возвращаюсь, а ты мне второго. Я второго-то рядом с первым положил и к тебе, а ты мне третьего. Взял я его, а сам себе думаю: нет Ляксе́й, веди-ка ты ее в избу, а то не ровен час...

— Молчал бы, старый дурень, — беззлобно перебила старуха. — Нашел что вспомнить. Парней-то я тебе каких вырастила. Спасибо бы сказал, чем зубы-то скалить.

— Да я ничего. Я так. Вспомнилось просто, — пробормотал старик, улыбаясь.

Снова замолчали. В тишине на соседнем дворе заорал петух.

— Ишь глотка! — с удовольствием заметил старик, когда тот замолчал. — Луженая. Такого на бульон — грех. Такой долго жить будет.

Старуха не ответила.

— Спишь, что ли? — громко спросил старик.

— Какой там сплю, — проворчала старуха. —

Это у тебя никаких делов, окромя как табак смолить. Сплю... — она опустила свое легонькое тело на холодящие ступни ног половицы.

— Да я ничего. Я счас, — пробурчал старик.

— Счас. Лежи уж. Без тебя управлюсь, — отмахнулась старуха. — Небось рана-то болит.

— Да не болит уже, — робко отозвался старик. — Замолчала, окаянная.

— Счас замолчала, а счас и заговорит.

Лежи! — прикрикнула она и засемила по избе, привычно справляя необходимую для жизни работу.

«Раз ворчит, значит здорова», — подумал старик.

Вскоре старики, сидя друг против друга, пили чай, смотрели в окно и думали о самом важном.